

Протоиерей Алексей Уминский: Где граница между потреблением и нормальной жизнью?

– Человеку свойственно получать удовольствие – от еды, беседы, хорошей музыки, комфорта, уюта и так далее. Как понять, что наступил переизбыток, что нужно «замедлить ритм», чтобы не прийти ко греху?

– У каждого своя мера, свои возможности. Человек часто получает подобные удовольствия (от еды, путешествий, комфорта, уюта и так далее) или не получает их – исходя из своего социального

статуса. В этом нет какого-то определенного духовного значения. Если человек может себе позволить больше, поскольку его материальное положение высоко, он обычно позволяет.

Вопрос в том, каким образом эти вещи могут быть препятствием духовной жизни. Потому что сам по себе Богом сотворенный мир, который состоял в гармонии и красоте, в приношении плодов, в радости, он, в общем-то, и был сотворен для человека, для того, чтобы человек, в том числе, этим миром наслаждался.

Скудость и аскетизм не являются тождеством. Мы прекрасно понимаем, что скудость жизни, как и бедность, может сопровождаться унижительными условиями человеческого существования. И сама по себе недостаточность чего-то не является воспитательным инструментом добродетели или аскетизма – очень много людей в мире недоедают, живут в катастрофических условиях антисанитарии, я уже не говорю о существовании в условиях войны...

Само по себе изобилие, хорошая пища или хорошее вино не могут быть чем-то греховным. Даже исходя из того, что на браке в Кане Галилейской, где присутствовали Христос с Пресвятой Девой Марией, как раз было сильное оскудение вина, что лишало людей обычной человеческой радости и превращало прекрасный брачный пир в скучноватую посиделку, когда людям нечего сказать, нечего делать, от которой не весело. По-человечески это понятно.

Некоторые строгие аскеты не приветствуют, скажем, чтобы на свадьбах люди упивались. А вот в Евангелии ясно присутствует глагол «напиться», когда распорядитель, попробовав новое вино, говорит жениху: «всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе» (Ин. 2:10).

Христос превратил безвкусную воду не просто в вино, а во вкусное вино высочайшего качества. Потому что все, что ни делает Бог, Он всегда делает самого лучшего качества.

Вопрос в том, а что сам человек ставит на главное, первое место? Если для него важнее всего внешнее качество жизни, комфорт, удовольствия, веселье, вкус пищи, красивая одежда, мягкая постель, – именно это его цель, то тогда всякая вещь не может принести ему пользу.

Очевидно, что богатые тоже плачут. И понятно, что богатство и комфорт не делают человека счастливым. Как и не делает человека несчастным бедность сама по себе, в которой он может суметь правильно найти смысл своего существования. Но понятно, что бедность хуже, чем богатство, и не надо делать вид, что это не так. Всякая полнота бытия, в том числе полнота жизни в удовольствии – лучше, чем нищета и болезни, и всякое оскудение. Это же очевидно.

Вопрос в том, что человек, находящийся в состоянии удовольствий, поиска удовольствий, живущий ради удовольствий, чаще превращает свою жизнь в какое-то

биологическое существование. Это опасно. Почему и существуют, например, посты, аскетическое учение, которое духовное в человеке ставит выше, чем материальное, стремление к Небу делает главным приоритетом жизни человека, а земное воспринимает как средство и способ достижения Небесного.

Рабские привычки

– Откуда в нашем обществе у многих людей стремление жить выше своего материального уровня: дорогие машины в кабальный кредит, новая марка телефона, который стоит в разы больше, чем человек зарабатывает и так далее?

– Это, к сожалению, десятилетиями воспитанный стереотип рабского мышления. Не зря же Антон Павлович Чехов говорил, что одна из самых главных задач человека – это по капле выдавливать из себя раба. Раб все время живет завистью к тому, чего у него нет. Потому как раб, в образном смысле этого слова, – неблагодарное существо, которое боится и ждет момента, когда он сам станет рабовладельцем.

Все это идет и из сломленного человеческого достоинства, которое ломалось в течение многих, многих десятилетий, а то и столетий. Ведь всего 153 года назад Россия избавилась от рабовладчества. То, что происходило до этого, – катастрофа сознания людей, которое делило русский народ на рабов и рабовладельцев. Посему, конечно, эта привычка быть либо тем, либо другим, не могла пройти бесследно.

Потом был период постреволюционный, советский, который всячески вытравливал в человеке человеческое достоинство. Его сменил период постперестроечный, когда главным для человека стало стремление заработать деньги и быть каким-то образом похожим на ту запрещенную Европу, которая все время противопоставлялась Советскому Союзу. Вот отсюда признаки такого рабского сознания.

И это во всем проявляется. В таких жутких и уродливых вещах, как скажем, дедовщина в армии. Это все тоже ведь оттуда идет, потому что: сейчас я раб, а через год рабом будет тот, кто придет после меня. Человек надо мной издевается, но настанет тот момент, когда право издеваться над другими получу я. Такая дурная последовательность как раз говорит об этом не изжитом, не выдвинутом из себя и даже, может быть, не отрефлексированном, неосознанном, рабском сознании в человеке.

В итоге человеческое достоинство начинает мыслиться не как достоинство добродетели, не как приобретение образа Божьего в человеке, не как желание свободы, любви и добра, не как стремление возвысить себя до самых высоких идеалов, а как желание просто получить власть над кем-то, которая достигается исключительно через приобретение денег. Деньги – власть и все. Этим все сказано. Вот потому тогда элементами твоего достоинства, твоей свободы на сегодня, твоего какого-то уверенного положения в мире является, прежде всего, дорогой аксессуар.

– Связано ли это с, как принято говорить, навязанными Западом стандартами потребления?

– Здесь вопрос как раз очень непростой, потому что можно вспомнить то униженное положение, в каком находился советский человек любого поколения, который не мог себе позволить элементарных, простых и совершенно естественных человеческих удовольствий. Он с завистью взирал на них, глядя фильмы о гниющем Западе. А потом, когда стало возможно – «дорвался», забывая о всякой мере.

Даже в советские времена человек, который после какой-то международной выставки на ВДНХ или в Сокольниках возвращался в 70-е годы с пластиковым пакетиком, на котором было написано «Мальборо», смотрел на себя более уверенно, а на своих соотечественников немного свысока. А если уж у него в кармане оказывалась пачка сигарет с этим самым названием, то тогда на него все взирали с необыкновенным восторгом и удовольствием. И привлечь внимание красивой девушки ему оказывалось более легко, чем если бы у него в руках была пачка сигарет «Пегас».

Принцип остался тем же, хотя мир уже открытый. Мы получили возможность смотреть вокруг себя достаточно свободным взором и читать разные книги, смотреть разные фильмы, свободным образом строить свою жизнь, а все осталось так же. Причем

недополученность каких-то вещей совсем не была аскетизмом, она являлась формой унижения человека, его существования.

К сожалению, когда появилась возможность утверждения своего достоинства в головах масс, это приобрело форму именно огромного стремления к потреблению, потребительству.

К тому времени система потребления на Западе была уже достаточно развитым явлением, потому что если она развивается, то, соответственно, развивается и прогресс, и промышленность, и торговля: чем больше человек покупает, тратит денег, тем больше экономика развивается. Посему западная цивилизация давно избрала для себя подобную экономическую модель. Но, в отличие от нас, в западном мире не было такого слома между культурой и цивилизацией. Потому для нас «система потребления» стала таким же серьезным искушением, как, скажем, для индейцев «огненная» вода.

– **То есть все-таки проблема «религии потребления» существует?**

– Существует. Она очень удивляет иностранцев, которые приезжают в Россию, потому что они нигде у себя не встречают такого количества люксовых моделей автомобилей, например, как у нас. Они с удивлением смотрят на все остальное, что связано с потреблением здесь, потому как при всем том, что это модель западного образца ведения хозяйства или состояния жизни, но очевидно, что в своей массе человек среднего класса в Западной Европе ведет себя значительно скромнее. Ему гораздо меньше нужно для жизни, он пользуется меньшим количеством навороченных вещей, чем российский человек.

Там никого не задевает, если ты в каком-то обществе оказываешься с дешевеньким телефоном, никто на тебя не посмотрит с усмешкой и свысока. Люди из достаточно обеспеченных семей ездят на очень-очень простых автомобилях.

Совсем недавно я пересмотрел знаменитый в свое время фильм «Спрут» про сицилийскую мафию. Не мог удержаться от смеха, глядя, на каких машинах ездят мафиози: раза два всего показали «Мерседес», а в основном машины вроде «Фиат-Поинт». Когда-то для советского зрителя все это были заманчивые «иностранные машины», для богатых людей, для очень богатых...

И сейчас, как я уже заметил, за границей богатые чаще всего ездят на таких же скромных автомобилях, нередко на не очень новых, хотя могут позволить себе большее. И очень многие люди, зная, что они могут себе позволить больше, этого не делают, потому что не видят смысла.

Достойная или нормальная

– **Мы нередко говорим, что желаем своим детям «достойной жизни», подразумевая хорошее жилье, машину, возможность путешествовать несколько раз в год...**

– Это нормальная жизнь, когда человек может позволить себе путешествие, позволить себе автомобиль, потому, что это стало доступным: люди стали получать более-менее адекватную зарплату за свои труды. Но есть такое, что многим хочется показать свое достоинство именно материально.

Например, у меня есть возможность купить корейский автомобиль, но нет возможности купить «Ауди». Но у меня есть возможность залезть в кредиты для того, чтобы купить себе «Ауди». Машина корейская, как и машина «Ауди», так же будет ездить по Москве, с той же самой, разрешенной правилами, скоростью, также стоять в пробках и так далее и тому подобное. В общем, качество машины друг от друга не отличается кардинально. Это вам не «Запорожец» в сравнении с «Мерседесом», который будет ломаться каждые сто метров. Нет, это будет нормальная машина, просто в десять раз дешевле.

Она будет нормально заводиться зимой, в ней будет кондиционер летом. И она будет мне по средствам. А можно купить машину, которая будет явно мне не по средствам, но зато такое приобретение наполнит меня иллюзорным содержанием своего достоинства: смотрите, на какой машине я сегодня приехал!

И нередко бывает, что люди в итоге попадают в тяжелейшее положение, потому начинают жить в кредит, постоянно загоняя себя в петлю иллюзорных вещей, не могут справиться с этим. То есть появляется одна из форм зависимости, как азартная игра.

– **Причем достоинство вроде не связано с какими-то бытовыми моментами.**

– Конечно, материальные знаки благополучия не могут никаким образом выражать человеческое достоинство. Они даже не могут быть вещами более-менее статусными. Принято считать, что есть вещи, которые как бы положено иметь человеку по статусу.

Мы придумали себе такие правила игры в постсоветском обществе, придумали эти странные знаки узнавания друг друга по марке часов какой-нибудь знаменитой швейцарской фирмы, по пуговице на рубашке, по которой понимаешь, что ты человек из такого-то общества, а не из другого; по зажигалке, которой ты прикуриваешь сигарету. По таким вещам, которые не обладают своей реальной стоимостью. Как не обладает своей реальной стоимостью черная икра, которая продается за огромные деньги. Потому что это уже не еда, а знак статуса.

И очень многие статусные вещи: мобильные телефоны, аксессуары, автомобили, в том числе, продаются не за их реальную цену, а за цену статуса, за который ты платишь, чтобы тебя принимали за своего. Вот такие вещи лежат за гранью человеческого достоинства, являются страшной подменой, маской, платьем голого короля. Но очень многим нравится. Более того, к сожалению, это очень, очень многим нравится и в церковной среде, где вообще этих вещей быть не должно.

Аскетизм в домашних условиях

– **Насколько аскетизм нужен для современного человека?**

– Аскетизм нужен всегда, потому что аскетика – это не борьба с вещами и не борьба с едой, а это борьба со страстями, борьба с грехом. Аскетика предполагает прежде всего тот образ жизни, который позволяет человеку все время стремиться в Небо, оставляя все земное на своих местах. Отталкиваться от земного для того, чтобы устремиться в Небо. От земного, потому что человек не может быть подвешен в некоем безвоздушном пространстве. Земное как раз нам для этого и дано.

Земное должно быть способом управления, человек должен им управлять, а не наоборот. Поэтому аскетика учит нас ставить все на свои места. Нам не запрещается вкусно и хорошо есть, нам не запрещается принимать с любовью своих гостей за обильным столом и удивлять гостей, друзей и близких прекрасно приготовленной едой. Наоборот, это прекрасно, это замечательно. Это есть образ нашей любви к нашим близким.

– **Как же все-таки совместить наш быт и аскетику?**

– В бытовом смысле наша Церковь для нас все уже сделала. У нас есть посты, причем постов больше, чем не-постов. Если к ним правильно и серьезно отнестись, то вот все на своих местах и будет.

В пост человек напрягается, меняется. На первое место он ставит Небесное, на второе – земное, все время пытаясь себя оторвать от своего биологического императива, устремить себя в Небо.

Если во время поста к тебе придет твой ближний, то вся наша история аскетики говорит нам о том, что во время поста ближнего накорми с любовью. И пост здесь уже ни причем, потому что любовь оказывается выше поста. Замечательная история из жизни Тихона Задонского, когда два друга Великим постом в монастыре после долгой разлуки встретились и ели рыбу в неположенный день. За таким вот чревоугодием и застал их святитель Тихон Задонский. Друзья расстроились, а святой их не ругал, а, наоборот, приголубил, сказал, что любовь выше любого поста, и они поступили правильно.

Бытовой аскетизм должен заключаться в личностном понимании, ради чего ты живешь. Если у тебя есть достаточно средств для приобретения хороших и дорогих вещей, то всегда можно подумать: эти вещи нужны для того, чтобы повысить свой статус, для того, чтобы на тебя все смотрели как на особенного человека или для того, чтобы просто пользоваться ими?

Вот если ты эти вещи приобретаешь для того, или в том числе для того, чтобы поразить воображение приходящих к тебе людей, то это, наверное, грех. Ты покупаешь себе уважение за деньги. А если ты эти вещи покупаешь просто потому, что тебе они нужны, чтобы ты ими пользовался, и у тебя на это хватает средств, ну так это нормально.

– Но бывает, человек вроде и не для статуса покупает, просто потому, что нравится. Но никак не может остановиться... Когда нужно сказать себе «стоп»?

– Да, бывает и в этом перебор. Мне рассказывали об одном священнике, который так любил церковные облачения, так много тратил на них средств и денег, что уже ни в храме, ни дома не хватало мест, чтобы эти облачения разместить. И когда появилась нужда в ремонте храма, батюшка развел руками и сказал: «Как же так, да, надо же как-то храм отреставрировать, деньги найти». Кто-то из хитреньких прихожан ответил: «Батюшка, а вы завесьте все своими облачениями, и ничего видно не будет».

На самом деле сказать себе «стоп» очень просто. Сколько тебе надо ботинок, чтобы ходить зимой? Хватит три пары или надо 30? Сколько тебе необходимо рубашек, чтобы каждый раз надевать свежую – хватит дюжины или может 15 сорочек или тебе надо 500? Я, конечно, утрирую, но ведь действительно, это простые вещи, что нужно подавить желание, когда тебе хочется покупать, покупать...

– Насколько священникам нужно следить за собой в этом смысле? Ведь их рассматривают словно под увеличительным стеклом – какая машина, как матушка одевается, где отдыхали...

– Да, на священников всегда смотрят. И когда человек принимает для себя рискованное решение стать священником, он должен это понимать.

И если люди, допустим в бедной деревне, искушаются, что священник ездит на такой машине, которая им не по карману, он должен сменить ее. Священник должен быть таким, как его прихожане, разделять их жизнь. Я понимаю, что у священника могут быть возможности купить хороший автомобиль или квартиру, или дом, которые не зависят от его доходов в храме. Наследство человек получил, родственники помогли, да мало ли что. Но эти возможности не должны, как мне кажется, сильно бить по глазам прихожан и вызывать в них какое-то недоумение: «Зачем это нужно батюшке, для чего батюшке надо быть таким, как наши олигархи?».

Священник не обязан никому быть специально бедным. Но священник тем не менее должен думать о том, что есть такое понятие как скромность, и оно украшает. Думать, чтобы просто не соблазнить кого-то. Особенно в нашем мире, в котором в принципе люди привыкли друг другу завидовать и сразу считать, что если ты богат, то ты обязательно вор, и руки у тебя по локоть в крови. Это, к сожалению, тоже остатки рабского сознания.

Поэтому хорошо, когда мы сегодня видим пример Папы Франциска, который показывает, что он может быть главой Церкви, и при этом может быть совершенно нищим и бедным. Таким же примером являлся для нас, православных, Патриарх Павел Сербский, который, будучи человеком колоссального авторитета, приобрел этот авторитет как раз не благодаря аксессуарам.

– За последнее время мы привыкли к нормальному образу жизни, и страшно, что этот уровень можно потерять. Как бороться со страхом?

– Действительно, как только человек немного становится благополучным, начинает жить в более-менее комфортных условиях, он понимает, что расставаться с ними потом тяжело.

Человек может начать бояться бедности, держаться за какие-то внешние вещи, откладывать на черный день. Из-за этого жадничать, когда к нему обращаются за помощью. То есть ты знаешь, что у тебя есть сейчас деньги и понимаешь, что можешь хоть какую-то их часть пожертвовать на операцию для больного ребенка, на какое-то доброе, хорошее дело, на благотворительность, на помощь бедным, но думаешь: «Нет, а вдруг мне завтра не хватит самому». Это такое низменное, нехорошее чувство, с которым надо бороться. Жадиной быть плохо, стыдно. Особенно, если ты христианин.

При этом реальная забота о своем будущем, о будущем своей семьи – вещь совершенно нормальная и естественная.

Только страшиться бесполезно, потому что ты же живешь сегодня, а что будет завтра, ты все равно не знаешь. Не знали жители Донецка и Луганска в феврале, что с ними случится в конце мая. К этому нельзя быть готовым, невозможно. Поэтому мы живем каждый раз так, как мы живем. На Господа уповаем и на добрых людей. Что нам еще остается?

Источник: pravmir.ru